

Самойлов Давид

31.5.95

Моск. комсомолец. - 1995. - 31 мая. - С. 8

Письменный стол

Разбирая архив моего мужа, Давида Самойлова, я увидела — не вдруг — что ему есть с чем представить перед читающей частью публики. Его вообще печатали не в бесте как щедро, немногочисленные книги выходили всегда со скриптом и в неполном объеме. По цензурным соображениям далеко не все могло увидеть свет. Сейчас даже трудно представить, сколько многое. Вот стихотворение ранне-среднего периода, бывшее "товарным знаком" Самойлова:

В себе накапливая РЕЧЬ

И снова будут дробить суставы
И зажимать кулаками рты
Поэты ненависти и славы
Поэтам чести и доброты...

И снова в злобе полночных бдений
Злодейство будет совершенено.
И снова будет смеяться гений
И беззаботно тянуть вино.

Он выйдет в полночь. И легким жестом
Приглядит встрепанные виски,
Дивясь красотам и совершенствам
Судьбы, созвездий, любви; листвы.

Сейчас ученики, хорошо знающие
творчество Д.С., удивляются: "Как, неужели не напечатано?"

То же самое со стихотворением "Как я живу? Без ожиданий...", читанные Д.С. не раз и не два. Нашла я его в рукописной тетрадке, даже не перепечатанным на машинке, то есть не приближенным к обнародованию. Казалось бы, какая тут крамола? Как же — "Осуществленный день России, Не мысля видеть наяву"! Официальная точка зрения предполагала, что все уже осуществлено и достигнуто — развитой социализм и т. п.

Но было и другое: "Не хочется идти в журнал, жаль расставаться со стихами". Не хочется не только, "теб" их редактор обминал и цензор мучил пустяками", но — из целомудрия, из нежелания торопить превращение душевного знака в текст.

Галина МЕДВЕДЕВА.

РОЖДЕНИЕ

Как странно, что за сорок с лишком лет
Не накопил я опыта. Впервые
Глаза протер, встаю, ломая хлеб.
Снег за окном. Деревья неживые.

Впервые припадаю к молоку,
Впервые поднимают груз измени, —
Впервые пью вино, впервые лгу,
Себе впервые вспарываю вены.

Впервые осторожно краем губ
Чужой щеки, как яблока, касаюсь.
Впервые слышу кровь странный гуд
И в травы, обессиленный, бросаюсь.

Впервые знаю: жизнь не удалась!
Захлебываясь, воду пью из горсти.
Впервые умираю. Первый раз
Покорно истлевая на погсте.

Я прах впервые. Я впервые тень.
Впервые, грешный, я молю прощенья.
Смятенье, колыбель, сирень, метель —
Какая щедрость перевоплощенья!

Какая первородная игра!
Впервые... впервые... завтра... накануне...
Трещит доска, ломается игла,
И я опять рождаюсь, как в июне.

Июнь, 1963 г.

Как я живу? Без ожиданий.
В себе накапливая речь.

А между тем на крыши зданий
Ребристый снег успел пролечь.

И мы, как пчелы трудовые,
Питаем сонную деть,
Осуществленный день России
Не мысля видеть наяву.

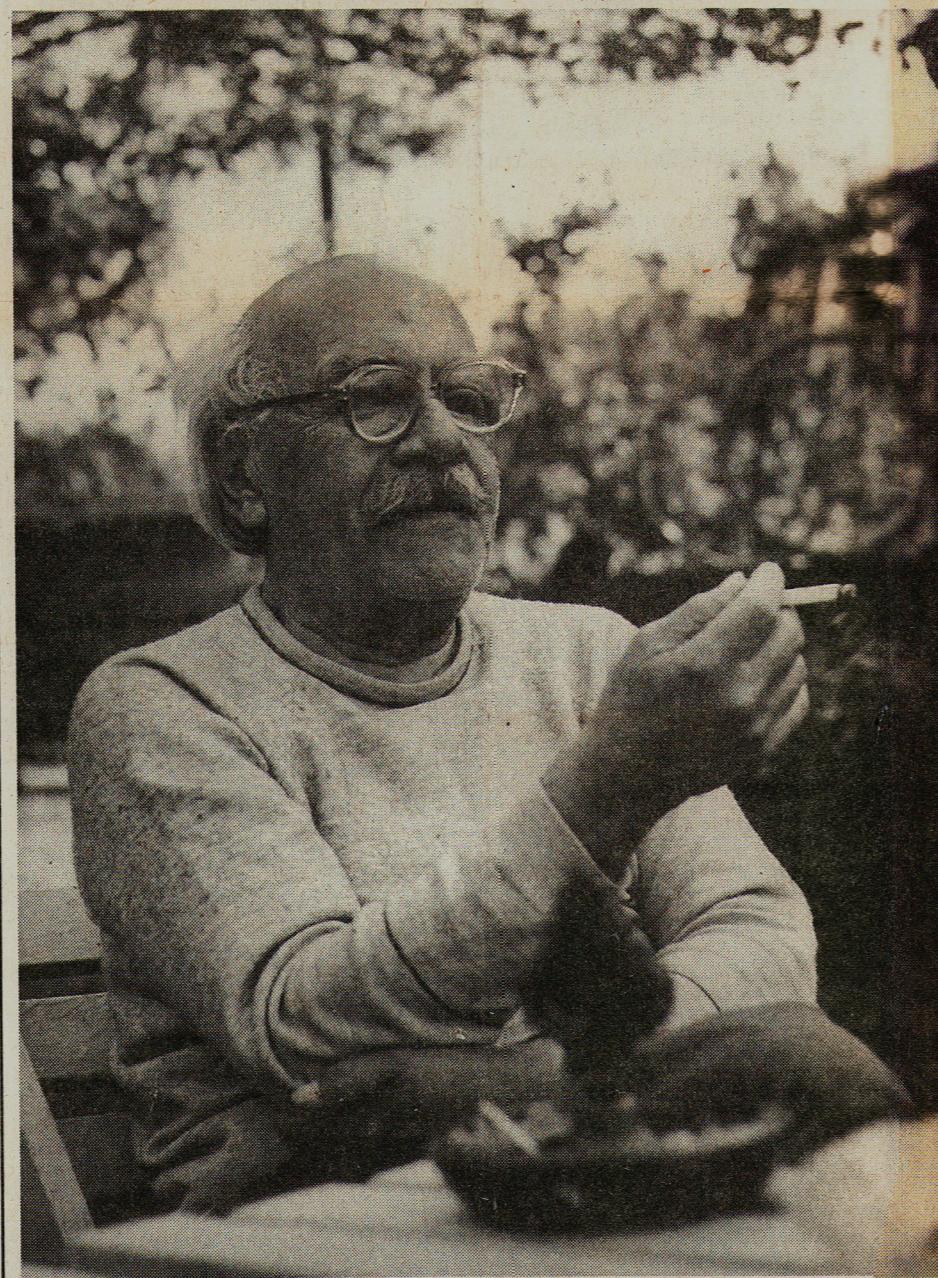
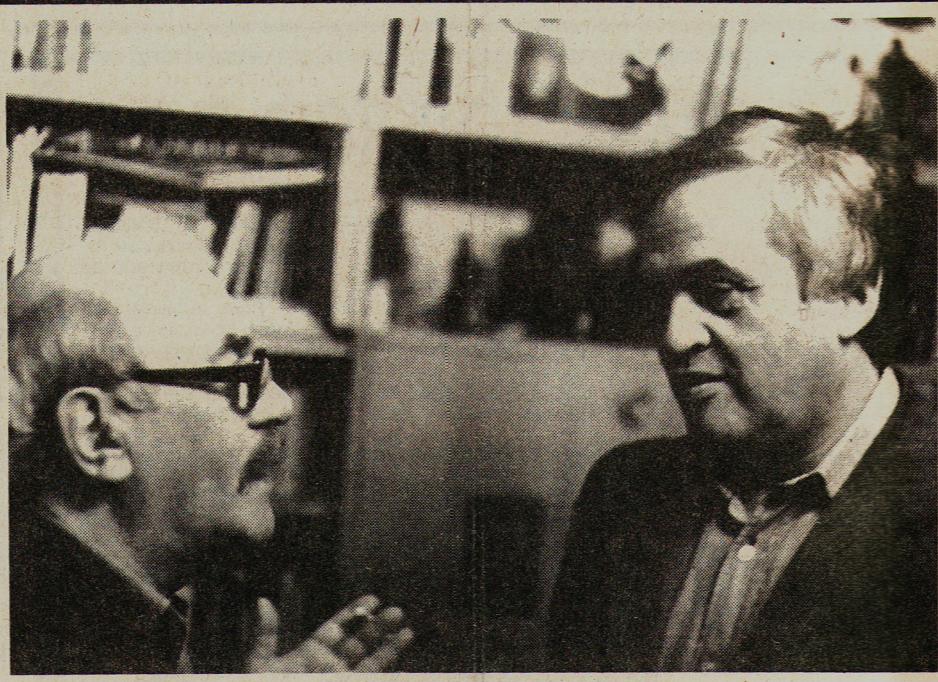
Ноябрь, 1977 г.

Когда сумбур полународа
Преобразуется в народ,
Придет поэт этого рода,
Светло и чисто запоет.

И поросли свежая, иная,
Взойдет, как новая звезда.
О наших горестях не зна
И нашим радостям чужда.

И вы, хранители традиций,
Вдруг потеряете себя,
Когда потомок яснолицый
Ударит в лиру, мир любя.

1981 г.

Однажды, когда я навестил его в больнице — он угодил туда сразу и "с сердцем", и "с глазами", — Д.С. со значением сообщил мне, что сочинил новое стихотворение. Я приготовился услышать что-то вроде стихов Тарковского "Меркнет зрение — сила моя...", но Д.С. прочитал произведение совсем другого толка, хотя тоже впрямую связанное с особенностями физиологии. Да простится мне неточное цитирование:

Что же есть у словья?
Голос. Больше — ни... чего.
Ну, а что у воробья?
Совершенно — ...ничего!

Может быть, правда, из-за этой самой "веселости" мы не досчитались каких-то замечательных лирических стихов? Или, напротив, она продлила ему жизнь?

А вот саркастический ум Д.С. наверняка многое не позволил ему сделать. Например, стать "эстрадным поэтом" в 60-е или отметить в качестве одного из "прорабов перестройки" в 80-е...

Нынче, в 95-м (точнее — 1 июня) — он его 75-летний юбилей. Слишком торжественная дата для того, чтобы Давид Самойловича до нее дожил.

Он вообще как-то все так сделал, что нелюбимый им ложный пафос счастливо минует его и после смерти. На вечерах его памяти вовсю распевают Юлий Ким и Сергей Никитин, Михаил Казаков с удовольствием читает его весьма вольные послания, а зал смеется. Наконец, выходят

крики".
Но есть и другой — противоположный — стереотип восприятия Самойлова: как некоего "историко-эпического поэта-философа".

В общем, воспользовавшись калькой Ходасевича (из статьи об Ахматовой, кстати, ценившей Самойлова), заявляю: люблю Самойлова, а поклонников его не люблю.

Но все-таки еще меньше люблю тех, кто Самойлова не любит. В основном это те самые "кулки" из анекдота, которые "не читатели", и за них нелюбовь — элементарная зависть к таланту (именуя называть не стоит — все равно у них только фамилии). Они-то пытаются дискредитировать как раз лучшее у Самойлова — его лирику (а лирика это не "когда про любовь", как считают многие, а "поэзия поэзии" — по определению Гете). Их неуклюжие попытки не кончились даже со смертью Д.С. Впрочем, это только один из признаков его продолжающейся жизни в литературе...

Драма и счастье Давида Самойлова в том, что он — один из немногих во фронтом поколении поэтов — решился на лирику, не побоялся не бояться — чувствовать и думать, и писал то, что чувствовал, и додумывал честно и до конца.

В советскую эпоху, когда требовалась и с лихвой вознаграждалась стихотворная публистика (неважно — "за" или "против"), он писал о любви и смерти, о московском детстве и об ощущении природы, сохраняя и продолжая тем самым традиции великой русской поэзии (да, и щупли, и играл, но никогда не заигрывал с публикой). "Дворянства назначение — хранить народ".

да честь и просвещенье... — так говорит Пушкин в знаменитом самойловском "Пестель, поэт и Анна". И в этом смысле сам Д.С. остался двойником в нашей литературе.

Когда оттепельные рузы застыли застойными лужами, а те, кто бежал вдоль них из своих бумажных корабликов, вынуждены были ходить по кругу, к Самойлову пришла наконец популярность. Но не повальная, поскольку не основанная на скандале.

Сам он относился к своей славе достаточноironично. Когда его друг и поэтический со-партнер Борис Слуцкий, придававший большое значение субординации в литературе, спросил Самойлова: как он думает, в первой десятке или в первой двадцатке современных поэтов они с ним пребывают, — Самойлов ответил: "Знаешь, Боря, по-моему, все же только в первой двадцатке — но что-то предыдущих восемнадцати не видно".

Но вот стихотворение — горькое и безжалостное к себе — в общем, о том же:

Вот и все. Смехили очи гении.
И когда померкли небеса,
Словно в опустевшем помещении
Стали слышны наши голоса.

Тянем, тянем слово залежалое,
Говорим и вяло и темно.
Как нас чувствуют и как нас жалуют!
Нету их. И все разрешено.

Удивительное свойство исповедальных стихов: если это настоящая поэзия, она — при всей жестокости самооценки — никогда не унижает автора, наоборот, поднимают на новую высоту. Теперь, после смерти Самойлова, мы читаем "Вот и все. Смехили очи гении..." как его пророческое завещание и, конечно, видим автора отнюдь не среди тех, кому "все разрешено". Это место, к сожалению, заняли мы сами.

Олег ХЛЕБНИКОВ.

ИЗ "ПАМЯТНЫХ ЗАПИСОК"*

Я не хочу никакого христианства, пуранизма, мусульманства или буддизма. Я против любых надваний, религий или идеологий.

Я хочу одного — любви, терпимости и вселенской идее. Я уверен, что все это возможно и в пределах благородного сознания интеллигентства нашего века. Верьте, но не перевирайте, любите, но не переслабывайте, терпите, но не перетерпливайте.

Хотите божа — имейте его. Не хотите — все равно — будьте терпимы и принадлежите вселенской идее добра. Все остальное — слова, пустота, безобразие.

*Д. Самойлов. "Памятные записки". М., "Международные отношения", 1995, 5000 экз.